

Марченя Павел Петрович — кандидат исторических наук, доцент учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; доцент кафедры философии Московского университета МВД России, г. Москва

«Зеленый змей» на службе «Красной смуты»: алкоголь и пьяные погромы от Февраля к Октябрю 1917-го

Ключевые слова:

«Человек пьяный» («*Homo ebrius*»; «*Homo nimii vini*»), пьяные погромы, смута, Февральская революция, Октябрьская революция, 1917 год, большевики

Алкоголь рассматривается как критически значимый фактор политической истории от Февраля к Октябрю 1917 г. В контексте вопроса о власти исследуются массовые пьяные погромы и борьба с ними как тактическая схема и реальный инструмент создания отрядов «Красной гвардии», эффективно используемый партией большевиков. Затронута проблема осмысления места и роли «Человека пьяного» («*Homo ebrius*») во взаимодействии власти и общества России в ситуации смуты и революции.

Сухой закон вызывает жажду <...>
Для нашего человека глоток свободы — это 100 грамм.
А.Ф. Давидович

Водка есть такая же политическая сила, как слово.
Л.Д. Троцкий

Вам — не надо вспоминать? А нам — надо! — ибо мы не хотим повторения в России этого бушующего *кабака*, за 8 месяцев развалившего страну.
А.И. Солженицын

Описывать «историю в подробностях» о пути России к Октябрю, замалчивая тему алкоголя и пьяных погромов, во многом определивших химеризм «российской демократии» образца 1917-го, значит умножать «историю без живых людей», продолжая искусственно изымать из прошлого «его человека» [1, с. 5].

Есть упоение в бою, / И бездны мрачной на краю, / И в разъяренном океане / Средь грозных волн и бурной тьмы, / И в аравийском урагане, / И в дуновении Чумы... — эти пушкинские строки применимы к роковым событиям истории не всегда в переносном смысле. «Упоение» на «пиру во время чумы» нередко следует понимать буквально, так же, как

«упившихся» до «боевого» упоения людей приходится признавать немаловажными участниками масштабных политических процессов. Истоиво пьющие легко превращаются в неистово буйствующие, и связанные с этим девиации составляют изрядную (если не непременно) часть набирающей обороты *Смуты*. Равно как и необходимость

успокоить мутные потоки хмельного асоциального буйства, перегородив их государственной плотиной способной восстановить трезвый порядок *Власти* становится неотъемлемой составной частью механизма преодоления смуты и возвращения общества к норме.

Homo ebrius — «Человек пьяный» (или *Homo nimii vini* — «Человек, чрезмерно пьющий») — является одной из реальных движущих сил всевозможных массовых насильственных действий, крупных беспорядков и социальных отклонений в истории. Вопрос о степени влияния алкоголя на ход русской истории относится к числу самых болезненных и противоречивых. Но еще А.Н. Радищев так писал об исключительной значимости этого вопроса для отечественной истории [*сохранена орфография и пунктуация издания — П.М.*]: «Посмотри на рускаго человека; найдеш его задумчива. Если захочет разгнать скуку, или как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. — Бурлак идущей в кабак повеся голову и возвращающейся обгаренной кровию от оплеух, многое может решить доселе гадательное в Истории Российской!» [8, с. 230].

В настоящей статье предпринята попытка частичного обобщения (не претендующего на полноту охвата всего «доселе гадательного») как уже введенной в научный оборот, так и собранной лично автором информации о месте и роли алкоголя в «русской смуте» между Февралем и Октябрем 1917 г.

В ситуациях смут, революций и прочих массовых катаклизмов даже один только факт непосредственной принадлежности человека к творящей историю массе сам по себе способен породить состояние «опьянения» от причастности к событиям исторического масштаба, от осознания соучастия в крушении «старого мира» и создании «нового неба и новой земли». Как подмечено в стихотворении Э. Верхарна

«Толпа»: *...Что нам до ветхих мудростей, до солнц / Закатных, отплывших истин? / Вот час, кипящий юностью и кровью, / Вот ярый хмель столь крепкого вина, / Что всякая в нем гаснет горечь...* Увы, очень часто это «хмельное вдохновение» не остается поэтическим образом, а получает конкретную химическую подпитку и становится одной из реальных психофизиологических причин охватывающего революционную эпоху социального безумия.

В ситуациях безвластия... алкоголь становится фактором политической истории...

В определенном отношении, «смутное время» и злоупотребления алкоголем вообще неразделимы, как неразделимы состояние опьянения и состояние смуты (в душах, умах, народах, государствах...). Как еще за год до известных событий 1917-го пророчески выразил «смутное», но уже заведомо «пьянящее» предчувствие надвигающейся «смуты» О. Мандельштам: *О, этот воздух, смутой пьяный / На черной площади Кремля. / Качают шаткий «мир» смутяны, / Тревожно пахнут тополя <...> / А в запечатанных соборах, / Где и прохладно и темно, / Как в нежных глиняных амфорах, / Играет русское вино <...> / Архангельский и Воскресенья / Просвечивают, как ладонь, — Повсюду скрытое горенье, / В кувшинах спрятанный огонь...*

«Игра русского вина» и разбойный, соборно-лесной «спрятанный огонь», в конце концов все же выбили шаткую, насквозь прогнившую пробку одряхлевшего самодержавия. Но, вырвавшись на «воздух, смутой пьяный», они оказались не только красивыми художественными метафорами. Выяснилось, что выпущенный

на волю джинн неведомой, «новой» — «**Красной смуты**» — имеет много общего с хорошо знакомым, «старым, добрым» — «**Зеленым змием**».

Проблема научного осмысления «пьяного фактора» в политических событиях по праву занимает особое место в комплексе вопросов, связанных с изучением действительного («непричесанного») участия масс в истории. При этом «пьяная» тема в контексте своеобразной «антропологической химии» революций одновременно является и одной из наиболее «жареных» и, казалось бы, «понятных», и, вместе с тем, наименее систематизированных и понятых. Да и сама тема действительно представляет исключительный интерес для исследователя, не желающего упустить из виду далеко не последнюю по значимости социально-психологическую (или даже «социально-химическую») предпосылку пресловутой «бесмысленности и беспощадности» русского (но, разумеется, не только *русского*) бунта. Особенно актуально осмысление алкогольной компоненты поведения масс в тех случаях, когда бессмысленность и беспощадность массового насилия не только выглядят устрашающе иррациональными, но и действительно слабо поддаются рациональному осмыслению вне учета их «антропхимической» составляющей.

Злоупотребления алкоголем издревле являются излюбленной питательной средой для роста и развития любых анархических и противоправных действий масс. Пьяные погромы, в которые зачастую выливались на практике многие увековечиваемые впоследствии во всевозможных «хрониках революционных событий» так называемые «революционные движения», и совершаемые на этой почве массовые насилия и захваты, с удручающим постоянством характеризуют «нижние этажи» стихии народной жизни в «смутные времена» отечественной истории.

К этому стоит добавить, что в периоды качественных общественных трансформаций и исторических социопотрясе-

Медаль «За пьянство»

Понять:

Сарынь на кичку — выражение это считается остатком «воровского» языка волжских разбойников, ушкуйников. *Сарынь* (сорынь) ранее, а местами и в конце XIX в. значило чернь, толпа; кичка — возвышенная часть на носу судна. Это было приказание бурлакам убираться в сторону и выдать хозяина, что всегда и исполнялось беспрекословно, отчасти потому, что бурлаки были безоружны и считали разбойников кудесниками. Также это крылатое выражение использовалось как призыв врагам отступать или обозначал боевой клич.

ПА

Николай II

ний, свойственная значительной части российского общества традиция приема крепких напитков ударными дозами, получившая в соответствующей литературе наименование «северного стиля», становится уже не только привычным средством снятия стресса, но и сильнейшим катализатором массовых беспорядков, способствуя эскалации всех форм социального насилия и девиантного поведения. Еще с эпических времен Василия Буслаева неизменно популярен в подвыпивших или желающих выпить массах адресно выверенный лозунг призыва на безудержный русский пир: «*Кто хочет пить и есть из готового — валися к Ваське на широкий двор*».

Толпы нетрезвых сторонников *буслаевской «политической платформы»* и манипулирующие ими вожди, вожаки и самозванцы, не единожды оказывали отнюдь не шуточное воздействие на исторические пути нашего общества. В ситуациях безвластия и потери «почвы» алкоголь стано-

вится фактором политической истории, своеобразно консолидирующим *Традицию* и *Революцию*: мотивы и результаты массовых «революционных» волеизъявлений иногда напоминают побуждения и последствия массовых «традиционных» возлияний. Желание «попить, поесть и пограбить» является наиболее предсказуемым стимулом психологии восставших масс, которые «вечным маятником» российской истории в очередной раз швырнуло из предельной крайности покорного равнодушия к политической жизни в беспредельную крайность неукротимой стихии разрушения во имя «русского размаха» и «русского разгула».

«Политизация» архаических моделей поведения выведенных из равновесия и опьяненных вседозволенностью и собственно алкоголем масс, в свою очередь, создает идеальную атмосферу для лозунгов типа: «*Грабь награбленное*» (фактически традиционного: «*Сарынь на кичку*»). Очевидно, что пьяного легче подвиг-

нуть на «экспроприацию экспроприаторов», особенно если предмет экспроприации будет и сама выпивка как повод к продолжению «праздника революции» (как говорили в народе, «*где вино, там и праздник*», «*без блинов не Масленица, а без вина не праздник*», «*кто празднику рад — тот до свету пьян*»). Очевидно также и то, что энергию масс наиболее легко «выплеснуть на улицу», если масса «плеснет в себя». При определенных условиях, отношение масс к выпивке легко может служить не просто обычным средством манипуляции со стороны тех или иных политических сил, но и достаточно действенным орудием борьбы за власть.

И особенно наглядно это проявляется во времена общероссийских смут. Смута 1917 г. может служить хрестоматийно-классическим примером превращения алкоголя в политическое оружие массового поражения.

Показательно, что смуте 1917 г. (как и смуте, начавшейся в 80-е гг. XX в.) предшествовали антиалкогольные кампании, вводимые в ходе которых жесткие ограничения на потребление алкоголя усугубляли особую социально-психологическую атмосферу и динамику массовых процессов.

...смуте предшествует «сухой закон»

В генезисе русских смут можно усмотреть явную «алкогольную закономерность», включающую в себя повторяемую последовательность: смуте предшествует «сухой закон». Последний, в свою очередь, расстраивает один из важных механизмов сбалансированности в системе взаимодействия власти и общества и подготавливает почву для прорыва в сферу публичной политики внеполитической стихии массового буйства.

Традиционным антиподом бессмысленности социально-политических действий и глубоко укоренившейся в народном сознании (причем привыч-

ной сознанию не только массовому, но и элитарному) формой протеста против неадекватных шагов власти в России является пьянство (и по-соседски тесно с ним взаимоповязанный бунт). Одним из своих «исконнейших» гражданских прав многие полагают «святое право», в ответ на несправедливость власти, тяготы и неурядицы — всерьез напиться.

У такой социально значимой реакции (при определенных условиях легко способной перерасти в социальную патологию) есть глубинные онтологические основания. По образному определению Б. Шоу, «алкоголь — это анестезия, позволяющая перенести операцию под названием жизнь». А, выражаясь языком поговорок нашего народа, «напиться» («зашибить дрозда, «сполоснуть зубы», «уйти под муху»...) — это в первую очередь значит «двинуть от всех скорбей». «Такую горечь — горьким и запить». «Хошь не хошь, а выпить надо», ибо «без поливки и капуста сохнет, «не пить, так на свете не жить», «пить — горе, а не пить — вдвое» и т.д. и т.п.

Как едко подметил А.Е. Зимбули: «С трудом представляю себе, что еще в каком-то языке столь сближены, как в русском, слова "поддаваться" и "поддавать", "подданные" и "поддающие"... Если современный английский богат вкладом в области, сопряженной с такими понятиями, как *маркетинг, мониторинг, имиджмейкер, PR, кастинг, менеджер, глобалистика, французский запечатлен* всемирноупотребляемыми словами *парламент, премьер-министр, революция, гильотина, дуайен, итальянский знаменит* своими словами *опера, сопрано, тенор, форте, пиано, глоссандо, крещендо, диминуэндо*, мы можем похвалиться такими изобретениями, как *самогон, сивуха, шуровик, ханьга, похмелье, посошок, с бодуна, перегар, чекушка, стопарь, наливай, плесни, остограммитесь, залить зенки, принять на грудь, шандарахнуть, вздрогнуть, заложить за воротник, загудеть, нализаться, надраться, наклукаться...*» (Автор обращает внимание и на то, что «не

в оправдание пьянства, но для придания большей объективности рассмотрению "традиционной русской болезни" нелишне вспомнить, что выпивка не принадлежит к числу семи смертных грехов: их список включает в себя гордыню, жадность, блуд, тщеславие, обжорство, гнев и уныние. Если кому не лень, поищите в этом списке воровство!...)» [4].

Периодическое пьянство как архаический элемент народной «карнавальной» культуры традиционно являлось мерой сброса эмоционального перенапряжения в обществе с целью профилактики тотального бунта. Власти предреволюционной эпохи не учли, что «сухой закон» в конкретно-исторических условиях того времени являлся психофизиологическим фактором, не предотвращающим, а, напротив, провоцирующим смуту. Отчасти этим можно объяснить и «эпилептоидную» смену абсолютным большинством населения России обычного «коллективного долготерпения» — на внезапные «вспышки стадной ярости» [2, с. 112].

...кабак — определял всю совокупность «ослепительных Февреля»

Лишенные возможности канализации социальной агрессии в привычной форме и доступным способом, массы копили энергию социального взрыва. Ущемленные в своем «естественном» праве «спускать пар» в пьяном забытии, дарующем хотя бы иллюзорное облегчение, взвинченные вынужденным временным воздержанием от алкоголя, — массы бросились активно наверстывать упущенное, когда смута «революционным порядком» отменила соответствующие ограничения и выпустила накопившееся напряжение в социальную сферу. Аккумулиро-

ванный «сухим законом» массовый психологический «пар» вырвался со страшной силой, сокрушая основания признанного несправедливым «старого мира».

Несложно заметить, что разрушать сподручнее, да и «веселее», спьяну. Однако, как давно уже подмечено самим народом: «*вино сперва веселит, а там без ума творит*». На смену куражу пьяного «веселия» празднующей хмельной карнавал народной Руси неизбежно заступала горечь тяжкого «*похмелья*», что усугубляло «революционное» ожесточение и пролонгировало желание вновь «развеселиться». Подобные микроциклы (круговорот которых вполне соответствовал логике еще одной народной поговорки: «*Перед хмелем падко, во хмелю сладко, по хмелю гадко*») в поведении определенной части активных участников изначальной жизни революции оказывали заметное воздействие на ее динамику. «Не придавая роли алкогольной агрессии в нациях времен русской революции исключительного значения, следует, однако, отметить: нарастающий вал кровавой, изощренной, часто бессмысленной жестокости в немалой мере был обусловлен массовым и систематическим отравлением людей плохо очищенным алкоголем. Потребление его растормаживало низшие инстинкты, страсти и влечения, отнимало способность критически оценивать свое поведение и объективную ситуацию, рождало импульсивность и неуправляемость. В свою очередь состояние абстиненции (похмельный синдром) множило чувства гнева, раздражения, озлобленности, стремление выместить на беззащитных людях любого класса и социального статуса... свою неконтролируемую агрессию. Эти психофизиологические процессы отчасти объясняют тот внезапный взрыв "революционной истерии", который имел такие пагубные последствия для истории России» [7, с. 173].

Поэтически обобщенное видение такой всенародной хмельной истерии ярко иллюстрируют стихи С. Бехтеева,

Антиалкогольный плакат Александро-Невского общества трезвости

написанные по свежим впечатлениям от знакомства с некоторыми результатами «революционной демократии»: *Льется сивуха; ликует разврат; / Боги летят с пьедесталов; / Зычно скликает погромный набат / К падали красных шакалов. / Шапка упала к ногам звонаря; / Ждать, мол, осталось немного: / Выкинул он из России Царя, / Выкинет кстати и Бога. / Грозно удары гудят и гудят, / Колокол плачет и стонет; / Пьяный народ под зловещий набат / Совесть навеки хоронит...*

Показательно, что многие свидетели, очевидцы и участники революции 1917 г. при описании самых разноплановых ее событий, не сговариваясь, используют «алкоголесодержащую» лексику и непосредственно связанные с алкоголем эмоционально-художественные образы. «Теперь не кстати воздержанье: / Как дикий Скиф хочу я пить!», — выразили художественное видение основного настроения времени поэты Серебряного века в сборнике «Скифы», прозой уточняя, что «бывают времена и сроки, когда еще преступнее [чем "пьянствовать бесчинно" — П.М.] "жизни пьяное вино растворять водою трезвой"». «Ты — бездомная, гулящая, хмельная, Во Христе юродивая Русь» — с грустью, но и с какой-то смутной гордостью признавал М. Волошин. Куда более жестко и лаконично — «исчерпывающим термином "кабак"» — определял всю совокупность «ослепительных

достижений Февраля» И. Солоневич. О «революционной сивухе», отравляющей сознание народа и интеллигенции, писал С. Булгаков. Типичным можно признать высказывание Н. Устрялова, который так охарактеризовал охвативший не только массы, но и элиты, постфевральский «алкогольный синдром»: «Да, все мы, даже самые трезвые, были хоть на миг, хоть на пару дней опьянены этим хмельным напитком весенней революции» [13, с. 204–205]. Подобные элитарные высказывания тождественны массовой присказке: «мартовское пиво с ног сбило». И таких признаний и оценок можно привести великое множество, что свидетельствует об их явной неслучайности.

Рисунок начального периода войны

Как «образец народного юмора», многими газетами в 1917 г. была перепечатана «ходившая по рукам» листовка («Декларация») самопровозглашенной «Партии алкоголиков» с «предвыборной агитацией» весьма показательного содержания:

*Граждане и Гражданки!!!
Голосуйте за список № 18.*

Наш девиз:

*«Алкоголики всех стран,
соединяйтесь»*

«Лишь в опьянении обретешь ты утешение»

Мы требуем:

*1. Свободной повсеместной
продажи птей[ного].*

2. Всеобщего, прямого, равного, тайного и явного распития спиртных напитков, во всех видах и во всякой посуде.

3. Свободного выбора разного рода птей и закусок к ним, основанного на принципе самоопределения желудка всех народов без различия пола, возраста, вероисповедания и убеждения.

4. Гласного всенародного суда алкоголиков над представителями старой власти, за прекращение ими винной продажи и строгого наказания их вплоть до ссылки на каторжные работы без срока.

5. Полной амнистии и немедленного освобождения из всех мест заключения, при старом и новом режимах, производителей и продавцов ханжи, политуры, денатурата, кислушки, самогонки и пр. и пр.

и пр.

6. Всеобщего бесплатного лечения всех пострадавших на почве алкоголизма.

7. Свободного возвращения домой, во всякое время, упившихся, без аннексий и контрибуций.

8. Войны до победного конца с женами, сожительницами, матерями и сестрами за СВОБОДНУЮ АВТОНОМНУЮ ВЫПИВКУ.

Да здравствует РАСПИВОЧНО И НАВЫНОС.

Партия алкоголиков... [12, с. 106–107].

Чтобы заметить, насколько имманентна проблема пьянства российскому политическому процессу 1917 г., достаточно бегло пролистать газеты и журналы этого времени. Терминология революционной прессы имела отчетливо выраженную алкогольнo-тематическую направленность: «общественное брожение», «массовое помутнение», «опьянение демократией», «политический кабак», «пьяный угар», «пьяный разгул», «градус революции», «революционная сивуха», «революционный хмель», «хмельная свобода», «горькое похмелье»...

В политическом интерьере «Красной смуты», заметно сказавшейся на цветовой гамме многих привычных российскому обществу социокультурных символов, традиционного «Зеленого змия» нередко стали именовать «Красным змеем». «Русь снова пьяна, только не вином, а свободой», — подобными фразами пестрели газетные заголовки и были переполнены тексты передовиц, не говоря уже о репортажах с мест и тем более фельетонах. Не только в газетах, но и в официальных докладах должностных лиц выражением высшей похвалы тому или иному политическому деятелю служил эпитет «трезвый» или «трезвомыслящий», в крайнем случае, хотя бы «протрезвевший» или «отрезвленный». Но даже при этом, как правило, констатировалось, что в текущем состоянии все равно «ни одно трезвое слово не доходит до народного сознания».

Но дело, разумеется, вовсе не в лексике. Как уже было отмечено, Смутой с самого нача-

ла де-факто был аннулирован царский — «недемократический» — сухой закон. И уже 28 февраля в революционном Петрограде профессор Б.В. Никольский прозорливо записал: «Везде одно и то же: любопытство, веселое ощущение полной безнаказанности, сдерживаемое тайным страхом, изредка пьяные и гулянье, гулянье и гулянье. Словом, анархия на себя смотрит и удивляется. Боже упаси, когда хлебнет вина и попробует крови...» [9, с. 133].

Все большее число «революционных акций» совершалось с целью завладеть спиртным...

И действительно, провозглашенная демократия была воспринята как, в том числе, возможность утолить накопившуюся жажду. «Глоток свободы» перестал быть для масс фигуральным выражением и приобрел конкретное и понятное всем наполнение. Винные погреба, аптеки, заводы по производству спиртного и склады для его хранения и другие подобные «естественные» очаги анархии — с наступлением «революционной демократии» превратились в объекты «стратегического значения», в ситуациях любых беспорядков куда более привлекательные для масс, чем хрестоматийные вокзалы, почты и телеграфы. Все большее число «революционных акций» совершалось с целью завладеть спиртным и воспользоваться им по прямому назначению. Но известно, что, разогнав тоску, бывает трудно остановить веселье. И еще большее число пресловутых акций совершалось, так или иначе, под влиянием спиртного.

Не будет большим преувеличением обобщение, что алкоголь был одним из факторов,

не просто характеризующих образ смуты, но придающих некое единство самой смуте в целом, — он объединял представителей самых различных классов, сословий, социальных статусов, гендерных ролей, демографических групп, географических регионов и т.д. Алкоголь эффективно участвовал в формировании главных социокультурных коммуникаций смуты, соединяя в один всеобщий мутный поток события центральные и периферийные, городские и сельские, частные и общинные, гарнизонные и фабричные. В частности, как подметил В.П. Буддаков, одним из функционально значимых процессов, организующих «классовое единение» в ходе «Красной смуты», являлось самогоноварение, ставшее «своеобразным каналом "смычки" города с деревней, осуществляемой через вконец распоясавшихся солдат». Причем, по его же выражению, «солдатская пьянь и большевизм слились в некий неразделимый развеселый образ» [2, с. 114, 123].

В архивах сохранились аналитические обзоры Главного Управления по делам милиции МВД Временного правитель-

Персонаж рекламной кампании пивоваренного завода Ивана Дурдина

ства, в которых даны экспертные оценки поэтапного перерастания «демократических перемен» в типичные формы «деструктивного поведения масс»: различные «эксцессы», захваты, самосуды, погромы, и, наконец, фактически антигосударственные выступления. Погромы, охватившие в результате всю «демократическую» Россию (постепенно превратившиеся в один «всероссийский погром») самым причудливым образом перемешали прежние социальные группы в возбужденные сходными желанием «массы». Они «объединяли погромные черносотенные элементы дореволюционного времени с последователями самых крайних левых течений. Политические организации перестают владеть настроениями масс, и это порождает анархию слева и контрреволюционные настроения справа». Эксперты МВД отмечали, что излюбленными объектами «революционных выступлений» разочаровавшихся в политике масс становятся склады спирта и винные погреба. Посланные на усмирение солдаты очень часто охотно примыкали к

бесчинствующей массе. Обозначилась явная тенденция к сливанию в одну распаленную массу и крестьян, и солдат, и рабочих. «Все чаще и чаще разгром направляется на винные склады и пьяная толпа своими бесчинствами терроризирует население городов. Одновременно аграрное движение приобретает характер продовольственных эксцессов и, перебарываясь в города, сливается с солдатским погромным движением в один широкий поток» [14, л. 47, 52, 151 об., 152, 153 об.].

«Сатана там правил бал!..»

Концентрированное описание места и роли «алкогольного объекта» в общественной жизни обычного российского городка периода «февральской демократии» дано П.Н. Красновым в статье «Около спирта», опубликованной в журнале «Нива» в июле 1917 г. В ней он описывает типичнейшую картину накопления предпogромных настроений, закономерно приводящих к погрому:

«В городе... не все ли равно в каком городе, в одном из многочисленных маленьких городов, рассеянных по лицу земли Русской <...> был казенный спиртоочистительный завод и склад винного спирта и денатурата. И вот, с того самого дня, как пришли в этот город солдаты — все достопримечательности города обратились в ничто... Объектом всеобщего наблюдения, местом всеобщих прогулок стал спиртовый завод и склад. Спиртовый завод не работал, но склад был полон. И это слово "полон" звучало как набатный звон <...> ...спирт постепенно охватывал внимание, колдовал мозг, мучил сознание всей этой людской массы <...> ...ходили с ведрами, ждали чуда... И чудо вышло. Чудо случилось. Кристальной струей забил живительный фонтан, но принес с собою не жизнь, а смерть многим людям <...> Пьянели сотнями, галдели, вырывали друг у друга котелки, толпились и падали под ноги перепуганных лошадей, били друг друга, целовались друг с другом, орали песни, от бешеного восторга переходили к озлоблению и тут же умирали с кровавой пеной на гу-

Пивная лавка трехгорного завода. Клин

Нижний-Новгородъ.—Nijni-Novgorod. № 30.
Благовъщенская слобода.

Склады пивоваренного завода Калашникова. Нижний Новгород

бах... В погребах были целые бассейны денатурата. И люди прильнули губами к фиолетовой, жгучей, отвратительно пахнущей жидкости и тянули ее полными губами, полным ртом. Слышались стоны, пьяные песни, проклятия, и на маленьком кусочке земли толклись тысячи обезумевших людей. Кто-то догадался поджечь спирт. Толпа ахнула и заревела, когда громадное голубое пламя метнулось из погребов <...> Вой пламени сливался с ревом, хохотом, дикими возгласами и улюлюканьем толпы <...> Это была страшная победа спирта над людьми. Более 100 трупов, как после какого-то сражения, лежало вдоль железнодорожного пути. Сто человек отдали свою молодую и кому-то так нужную, кем-то далеко любимую жизнь. За что?.. Два дня и две ночи бушевало море огня, выжигая кругом... И два дня ходила, шаталась и неистовствовала пьяная толпа, наводя ужас на обывателей. Пьяные люди врываются в мирные дома, перерывали имущество, толкали женщин, били детей, искали спирта. Нужно было опохмелиться, нужно было затуманить мозг, заставить себя позабыть все ужасы пережитого... "Сатана там правил

бал!.."» — подытожил Краснов рассказ о характернейшем явлении времени [10, с. 448–451].

Описанная история не является художественным вымыслом или литературной гиперболой. Случаи, когда в ходе захватов винных погребов, спиртовых заводов и складов солдаты целыми десятками напивались до смерти, широко известны. И все же о конкретно-историческом значении Номо ebrius и прокатившегося по всей стране шквала пьяных погромов в отечественном политическом процессе между Февралем и Октябрем 1917 г. сказано далеко не все.

...большинство погромов в деревне начиналось с локальной пьянки...

Гораздо более известны погромы, случившиеся уже после захвата власти большевиками, прописанные в исторической литературе преимущественно

в контексте борьбы с ними нового режима. В некоторых работах можно даже обнаружить довольно странные утверждения, что и сам этот феномен появился лишь с Октябрем, а до этого как бы и не существовал вовсе.

Сделаем попытку взглянуть на поставленную проблему через призму вопроса, который принято считать основным в революции. Как известно из классиков, это *вопрос о власти*.

Чтобы избежать обвинений в чрезмерных обобщениях, проиллюстрируем масштабы влияния пьяных погромов на политическую борьбу только на конкретно-исторических материалах Поволжья.

При этом сознательно не станем использовать богатейшие материалы, свидетельствующие о наличии «пьяного фактора» в погромном движении в поволжской деревне и победившей в сельской местности «аграрной анархии» (Хотя, при всей относительной изученности «черного передела», роль алкоголя в крестьянских выступлениях также осталась на периферии исторической науки. А ведь большинство погромов в деревне начиналось с локальной пьянки сбежавших

© Владимир И. А.

Пьяные погромы с участием солдат

с фронта односельчан, плавно перераставшей в так называемое «массовое революционное движение»).

Сосредоточимся исключительно на городских событиях и попытаемся документально проследить причинно-следственные связи между пьянством и политической борьбой за массы/власть на примере городских самарских погромов в мае 1917 г.

Сохранившиеся неопубликованные архивные документы (в том числе уникальные свидетельства очевидцев, собранные в свое время Самарским истпартом), материалы периодической печати различной партийной и общественной ориентации, и некоторые опубликованные источники представляют собой в высшей степени любопытный материал для исследования поставленной проблемы [подробнее см.: 6].

С 1 по 3 мая в Самаре не утихал грандиозный пьяный погром. Немногочисленным трезвым гражданам открылись

воистину сюрреалистические картины апофеоза отечественной «демократии». Огромные толпы обезумевших от жажды горожан и «гостей города» громили винные магазины, склады, погреба, аптеки. Пили в соответствии с народными рецептами: «из полуведра, да не чарочкой, а в припадочку». Пили все, что горит, и закусывали там же награбленным. Пили из бочек до тех пор, пока упившегося не оттаскивали более трезвые, занимавшие его место. От бутылок, чтобы не тратить время, прямо на месте отбивали горлышки. В страшной толкучке люди резали себе губы и руки, но не переставали пить, обливаясь вином и кровью.

«Банкет революции» удался на славу. Но «хлебнувшие свободу» маргинальные массы требовали «продолжения банкета». Жизнь города была полностью парализована. На улицах шатались буйные и валялись полумертвые. Объединенный «Совет рабочих, военных и крестьянских де-

путатов» вынес резолюцию о чрезвычайных мерах. Был введен комендантский час, принято решение «виноградное вино в бочках, прокисшее и испорченное, совершенно уничтожить, а коньяки, водки и неспорченное вино перевезти в винный склад», а также «прекратить немедленно продажу из аптек и аптечных магазинов тройного одеколона». Манившие массы склады и подвалы Жигулевского пивоваренного завода и ряд винных погребов были затоплены с помощью пожарных команд. Многие из одержимых Бахусом бросались в плавань в образовавшиеся пенные потоки и жадно пили, некоторые захлебывались и тонули в мутных хмельных лужах. Долго не прекращались попытки попробовать, сильно ли разбавлено растекающееся по проезжей части вино.

Алкогольные напитки, до которых еще не успели добраться страждущие, повсюду уничтожались отрядами вооруженных рабочих Трубочного завода Самары. Сразу отме-

тим, что этот завод имел устойчивую репутацию главного бастиона местного большевизма. Закономерно, что и главную роль в вооружении рабочих отрядов и организации подавления беспорядков в Самаре сыграли именно большевики.

Несмотря на вооруженное патрулирование улиц и аресты самых активных любителей выпить на халяву и от души побуйнить (патрулями было арестовано 234 человека), погромная вакханалия продолжалась еще трое суток. Толпы с криками: «Смерть буржуазии!», «Выпьем все у буржуев!», «Пусти!» и т.п. — продолжали искать бутылки, невзирая ни на какие увещания властей «беречь завоеванные демократические свободы». Перефразируя известное высказывание И.С. Тургенева о том, что Венера Милосская несомненное принципов Французской революции, можно констатировать, что бутылка оказалась для толп гарнизонных солдат, местных рабочих, обывателей

и маргиналов, а также приехавших в город на поиски лучшей доли губернских крестьян куда «несомненное», чем «принципы Февральской буржуазно-демократической революции».

Итоги «печальных событий», как мягко именовали пьяные погромы самарские газеты, оказались неутешительны. Городу был нанесен ущерб более чем в миллион рублей. По улицам текли розовые ручьи, рядом валялись налакавшиеся грязного разбавленного вина разнообразные домашние животные жителей Самары и, разумеется, сами «отдельные жители». Как иронизировали местные репортеры, коровы и свиньи тоже с удовольствием сосали «необыкновенную воду», «сосали с аппетитом, как переодетый городской». «Но все же приятнее видеть пьяную свинью, чем пьяного человека», — резюмировали газетчики.

Затем, как обычно, начался «поиск врагов», виновных «во всем» случившемся. Большевицкая «Приволжская прав-

да», по своему обыкновению, обвинила во всем «черносоптенцев», «охранников», переодетых в солдатскую форму «городовых», «жандармов» и прочих «слуг старого режима», к которым присоединились «уголовные» и тому подобный «темный элемент». Парадоксальным образом, в унисон выступил и главный местный орган кадетов «Волжский день», который продолжал по привычке винить царя (!) и «слуг низвергнутого Николая». Воистину, «пьяный проспится, а дурак никогда»: за погромами «прозорливые» самарские либералы увидели угрозу «восхода старого солнца: — Солнца самодержавия», и с упорством, достойным лучшего применения, заклинали массы сказать виновникам решительно: «Урядник, удались немедленно!».

Однако в Приказе № 137 от 3 мая начальника Самарского гарнизона указывались иные «враги демократии»: «Люди, ненавидящие Россию и, несомненно, состоящие на службе

{ Оружие революции }

Пистолет Маузер образца 1896 г., модель 1912 г.

Оружие охотников и путешественников. Продавался в магазинах разных стран, в том числе в России. По желанию, использовался в армиях разных стран, в том числе России, СССР и Германии.

Принадлежал М.А. Медведеву (Кудрину), участнику расстрела царской семьи, работнику ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ.

Медведев (Кудрин) М.А. — революционер-подпольщик, после 1917 г. стал носить официально подпольную фамилию Медведев. В 1918 г. участвовал в расстреле царской семьи в Екатеринбурге.

Служил в органах ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ.

Раздел ведет: **Шепарев Роман Михайлович** — кандидат исторических наук, хранитель фонда Государственного центрального музея современной истории России, г. Москва

ПА

Валериан Куйбышев

наших врагов, проникли в действующую армию с настойчивостью, характеризующей наших противников, и, повидимому, выполняя их требования, проповедуют необходимость окончить войну как можно скорее. Одновременно с этим в стране идет усиленный призыв к неповиновению и погрому... Не верьте предателям, проповедующим погромы, непослушание... власти в лице Временного правительства...». В воззвании Советов «К солдатам, рабочим и гражданам» говорилось: «Те, кто пил, не учел, кто его спаивает и зачем. Но мы учли. Из 18 арестованных за подстрекательство к погрому солдат 12 — переодетые штатские, темные личности, ведущие погромную агитацию...». «Те же, кто вас толкал, рассуждали иначе: ваше пьянство для них было лишь средством завладеть вами и использовать для гнусных целей».

«Волжский день» в статье «Чьих рук дело?» вопрошал: «Кому же это нужно? Свободные граждане свободной России не могут устроить погром и заниматься отвратительным пьянством. Здесь чья-то чужая работа. Кому-то нужно вызвать беспорядки среди нас, нужно посеять раздор и, может, вызвать кровавые столкновения. С этой целью ненавистники свободы воспользовались лучшим оружием — они показали толпе бутылку. Они верили, что толпа не устоит перед соблазном и пойдет на все, только бы дотянуться до бутылки. Увы! Расчеты эти отчасти оправда-

ПА

Ульянов (Ленин)

лись. Толпа кинулась на вино, а вылезшие откуда-то люди приглашали солдат: "Хлебните, товарищи!". Им нужно было непременно втянуть в погром войска... Кто же были лица, которые организовали вчерашнее пьянство? Кому был нужен пьяный погром? Если нельзя назвать этих людей по имени, если они достаточно спрятались от нас, то можно с уверенностью сказать, что эти люди — Враги Свободы!».

...необходимо было расширить социальную базу партии и создать вооруженные силы

В качестве виновников назывались некие «враги нового режима»: «Разбежалось их много и повсюду, куда они побежали, началась смута. На фронте они кричали: "Долой войну!", шли браться с немцами, подговаривали и других с ними пойти. В городах стали подговаривать на грабежи, в деревнях на разделы, не дожидаясь Учредительного Собрания. Но трезвый народ ни на грабежи, ни на погромы не пойдет...».

При отсутствии неопровержимых прямых документальных доказательств того, кем были организованы погромы (если они вообще были «ор-

ганизованы»), можно все же задать классический *детективный вопрос*: кому они были выгодны, какая политическая сила смогла воспользоваться их «плодами», на чью «мельницу» объективно «лил воду» (а точнее, не воду, а спиртные напитки) *Homo nimii vini*? Составим некоторые факты.

Как писал собственноручно В.И. Ленин: «Непосредственной задачей нашей партии не может быть призыв всех различных сил теперь же к атаке, а должен быть призыв к выработке революционной организации, способной объединить все силы и руководить движением не только по названию, но и на самом деле, т.е. быть готовой к поддержке всякого протеста и всякой вспышки, пользуясь ими для умножения и укрепления военных сил, годных для решительного боя» [11, с. 8]. Для осуществления ленинской программы на «перерастание» революции в «социалистическую» и установление диктатуры необходимо было расширить социальную базу партии и создать вооруженные силы, на которые большевики могли бы опереться для захвата власти.

Самарский большевик И.Е. Лебедев вспоминал о докладе на городской партийной конференции В.В. Куйбышева, прибывшего с апрельской конференции большевиков из Петрограда: «Этим докладом, изложившим ленинскую установку на переход к социалистической революции, было покончено с неясностями в вопросах тактики, существовавшими в нашей сарматской организации в марте — апреле 1917 г. Мы — делегаты конференции — были воодушевлены раскрытой перед нами перспективой осуществления полноты власти Советов пролетарской диктатуры и с удвоенной энергией взялись за дело отвоевания масс рабочих и солдат у соглашателей».

Уже 18 апреля (1 мая по новому стилю) на праздновании Международного дня солидарности трудящихся большевики активно агитировали за новые антигосударственные лозунги. 23 апреля на митинге рабочих Трубочного завода большевики продолжили энергично бом-

бардировать массы призывами сплотиться вокруг Советов. 26 апреля на собрании большевиков Латышского района Самары была принята резолюция, требующая немедленного перехода власти Советам.

Но для организации широкой и явной деятельности по формированию Красной гвардии требовался повод. И вот 1 мая он «подвернулся»: в результате подстрекательства «неустановленных провокаторов» вспыхивает погромное движение чудовищного размаха. Реакция большевиков в Совете была мгновенной — вооружение рабочих-большевиков Трубочного завода и формирование боевых дружин под политическим руководством большевистских комиссаров. А 6 мая приказом объединенных Советов рабочих, военных и крестьянских депутатов официально создан штаб по охране города с исключительными полномочиями и «боевыми дружинами особого назначения». И 17 мая была организована «комиссия по организации Красной Гвардии»...

Самарские майские погромы дали отголоски по всей губернии. Так, 4 мая аналогичные события произошли в Бугуруслане, 7 мая тот же сценарий разыгрался в Белебее, 17 июля — в Новоузенске, 24 августа — в Николаевске... И такие же события предшествовали окончательному оформлению Красной гвардии в октябре 1917 г. накануне переворота: 2–3 октября прокатились «пьяные погромы» в Бузулуке, 3 октября — в Николаевске и Пугачеве, 10–11 октября — в Бугульме... При этом всюду погромы подавлялись вооруженными отрядами «Красной гвардии» или так называемыми «Военно-революционными комитетами». Они специально создавались по такому случаю, вооружались, а после «восстановления порядка» оставались в полной боевой готовности.

Таким образом, создание Красной гвардии в Самаре и Самарской губернии неразрывно связано с пьяными погромами. Именно они явились универсальным и безотказным инструментом организации большевиками основных боевых ячеек. «Первым самостоя-

тельным политическим выступлением Красной гвардии было решительное участие в ликвидации пьяных погромов,

**...отряды
«Красной
гвардии»...
вооружались,
а после
«восстановле-
ния порядка»
оставались в
полной боевой
готовности**

разразившихся в Самаре 14–16 мая [по новому стилю. — П.М.], — вспоминал большевик Ю. Милонов, лично участвовавший в описываемых событиях. «Эти рабочие дружины нельзя не рассматривать как первоначальные ячейки будущей красной гвардии...»,

— вторит ему соратник по оружию В.М. Зубков. А самарский большевик Малинков в своих воспоминаниях конкретно ставит вопрос об источнике вооружения ударных сил ленинцев и столь же по-военному четко отвечает на него: Откуда брали оружие? Из штаба охраны в момент, когда в городе начинались грабежи и погромы.

Использование в своих целях пьяных погромов и их подавления стало шаблонным, но чрезвычайно действенным приемом. «Пьяные погромы» деструктурировали власть и обнажали ее бессилие, они давали возможность вооружаться под предлогом наведения порядка и оставлять оружие в ожидании подходящего случая. Сама деятельность по подавлению погромного движения служила безопасной репетицией будущих активных вооруженных действий, позволяла завоевывать политический капитал у населения на фоне падения престижа не способной эффективно действовать «законной» власти,

© Милонов Ю.И.

Красногвардейцы. 1926

приучала население к организованному насилию, придавала легитимности антиправительственным акциям, подготавливала сознание масс к будущему перевороту.

Отработанная схема «погром — организация Красной гвардии — подготовка к перевороту» типична не только для Самары. Напротив, она прослеживается во многих и многих населенных пунктах России, что может стать предметом особого исследования. В данной же статье лишь ставится проблема о месте и роли «Человека пьяного» в русской революции и взаимосвязи пьянства и пьяных погромов с тактическими установками и реальной деятельностью большевистской партии на некоторых конкретных примерах. Думается, что приведенный выше ряд фактов и их сопоставление в свете поставленной проблемы дает возможность по-новому переосмыслить некоторые «всем известные» события.

В заключение подчеркнем: несмотря на очевидно неприглядную роль алкоголя в истории 1917 г., все же было бы в корне неверно интерпретировать революционные события этого времени как только лишь пьяное безумие смуты. Ошибочны или даже преступны попытки свести горькую правду народа в революции к алкогольной биохимии народных эксцессов, а результаты массовых воле-

изъявлений — к последствиям массовых возлияний. Напротив, автор убежден, что массовые феномены общественной жизни России в ее критических ситуациях (даже если они и выглядят внешне как проявления сплошного катастрофического социального безумия) внутренне подчинены неявной исторической логике более высокого порядка [5].

было бы... неверно интерпретировать революционные события... как только лишь пьяное безумие смуты

Тем не менее, историко-антропологический анализ русской революции будет не полон без учета особенностей *Homo nimii vini*. Не следует забывать, что идеализируемые черты русского национального характера, с их действительно огромным положительным потенциалом, не исчерпывают весь спектр реальных проявлений отечественной социально-правовой

и бытовой ментальности. Они имеют и обратные стороны, чреватые проявлением самых разрушительных потенций, если политики оказываются не способными к пониманию природы и механизма массовых движений и своевременному блокированию деструктивных тенденций в поведении масс и партий. При этом осмысление жадности вести себя в социально опасное состояние опьянения не следует подменять медицинскими предостережениями о вреде алкоголизма. Не стоит отмахиваться от давно известных и значимых для человека и общества фактов: «Человек жаждет опьянения, когда все вокруг надоело, вызывает раздражение, ничто не радует, не может заполнить пустоту в душе. Когда им овладевает скука, тоска, духовная жажда, ностальгия по истине, благу, красоте, подлинному миру, абсолютному бытию. Когда хочется так недостающих радости, света, веселья, душевной полноты. Вот тогда и приходит мечта о другой, чистой, светлой и радостной жизни, желание попасть в другой мир, "увидеть небо в алмазах"» [3]. Увы, что касается массовых процессов, пьяный угар человека и общества ведет, как правило, не в «небо в алмазах», а в грязь и кровь. Представляется очевидным, что рассматриваемая тема не утратила своей актуальности и в наши дни.

Источники

1. Булдаков В.П. К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (Методологический аспект) // Революция и человек: Социально-психологический аспект. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 4–17.
2. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.
3. Гурин С. Праздник и опьянение как антропологические феномены // Топос. 2009. 23 апреля // <http://topos.ru/article/6666>.
4. Зимбули А.Е. Русский этос // <http://aesthetics-herzen.narod.ru/Zimbuli.doc>.
5. Марченя П. Безумие и логика русской смуты: От Февраля к Октябрю 1917-го // Родина. 2010. № 8. С. 80–81 // http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=3658&n=162.
6. Марченя П.П. Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 г. // Новый исторический вестник. 2008. № 1. С. 84–95.
7. Павлова Т.А. Алкоголь и русская революция // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 170–173.
8. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А.Н. Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1938. С. 225–392.
9. Чхартишвили П.Ш. Черносотенцы в 1917 году // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 133–143.
10. Краснов П.Н. Около спирта // Нива. Пг., 1917. № 29. С. 448–451.
11. Ленин В.И. С чего начать? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 5. М.: Политиздат, 1967. С. 1–13.
12. Славянова З.М. Лубочная литература 1917 г. // Революция 1917–18 гг. в Самарской губернии. Самара: Правление Союза кооп. объединений, 1918. Т. 1. С. 96–116.
13. Устрялов Н.В. Под знаком революции. Харбин: Рус. жизнь, 1927.
14. Обзоры Главного управления по делам милиции, составленные на основании донесений губернских комиссаров Временного правительства по темам: аграрное, рабочее и национальное движения, за период с 1 марта по 15 августа 1917 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 401. 204 л.